

Статья Э. В. Померанцевой «Русские рассказы о домовом» увлекательна и интересна. Автор обработал большой материал, систематизировал и указал на его связи с верованиями. Заглавие статьи уже ее содержания: в ней говорится не только о домовом, но и о банике и овиинике. Помещение подобной работы в сборник, посвященный славянскому фольклору, обязывало автора обратить большее внимание не только на русские, но и на славянские предания в целом. Думается, что автору следовало бы больше сказать и о том, какова степень художественности этих рассказов, т. е. являются ли они фольклорным или только этнографическим явлением.

Большая статья В. Ю. Крупнянской «Народная драма „Лодка“ (генезис и литературная история)» представляет собой по сути дела самостоятельное монографическое исследование генезиса и литературной истории народной драмы «Лодка». Статья посвящена памяти П. Г. Богатырева, так много сделавшего для анализа народного театра и народных обрядовых действ. В работе В. Ю. Крупнянской, продолжающей традиции П. Г. Богатырева, поставлены вопросы теории и истории народного театра. Автор выступает во всеоружии современного исследовательского метода, умело оперирует громадным материалом, весьма тонко сопоставляет тексты лубка и народной драмы и приходит к убедительным и бесспорным выводам. Статья, безусловно, заслуживает самой высокой оценки.

Народной драме в настоящем сборнике посвящена и статья В. Е. Гусева «Взаимосвязи русской вертепной драмы с белорусской и украинской», в которой автор подробно раскрывает длительный, растянувшийся на века процесс преобразования средневекового религиозного действия в народное драматическое произведение. В результате тесного взаимодействия русского, украинского и белорусского народного театра создавалось народно-драматическое представление, в котором религиозное содержание постепенно вытеснялось бытовыми мотивами сатирико-юмористического характера.

Сборник включает статья К. В. Чистова «П. И. Мельников (Печерский) и И. А. Федосова». Автор убедительно показывает приемы творческого использования П. И. Мельниковым-Печерским причитаний И. А. Федосовой. Выводы К. В. Чистова о своеобразии творческого метода писателя интересные и убедительны. Привлекает к себе внимание и программа дальнейшего изучения творчества П. И. Мельникова-Печерского, разработанная К. В. Чистовым с целью изучения природы и исторической динамики фольклоризма художественного творчества этого интересного писателя — знатока жизни, быта и народного творчества.

В заключение можно сказать, что, продолжая давнюю традицию русской и советской фольклористики по публикации исследований жанров славянского фольклора в их историческом развитии и взаимодействии, рецензируемый сборник охватывает обширный круг вопросов, актуальных для современной славянской фольклористики. Особое значение имеют статьи теоретического характера, посвященные сложным и спорным проблемам теории и истории славянской эпической традиции.

В целом сборник «Славянский фольклор» следует расценить как творческую удачу редакторского и авторского коллектива, как шаг вперед по пути изучения специфики славянского фольклора и особенно процесса взаимодействия различных культур на определенных исторических этапах развития славянских народов.

Л. Н. Пушкарев

НАРОДЫ СССР

Из культурного наследия народов России. «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. 28, Л., 1972, 303 стр., Отв. ред. Т. В. Станюкович.

За последние годы в Институте этнографии АН СССР установилась добрая традиция — публикация сборников Музея антропологии и этнографии, посвященных определенному региону. Так появились сборники по народам Юго-Восточной Азии, Америки, Сибири, Передней и Средней Азии и ряд других.

Рецензируемый сборник посвящен в основном восточным славянам. В музейном отделе Восточнославянского сектора Института хранится много этнографических коллекций (свыше 12,5 тыс. предметов), фотографии и иллюстрации. Но ввиду определенной специализации экспозиций музея (посвященных главным образом народам зарубежных стран) эти коллекции не могут быть выставлены для обозрения. Именно поэтому, а также потому, что за последние годы среди широких слоев населения нашей страны усилился интерес к прошлому нашей родины, к ее истории, к ее народному искусству, издание сборника особенно актуально и своевременно.

Сборник открывается статьей Т. В. Станюкович, которая знакомит читателя с коллекциями всего отдела в целом. В статье прослежены важнейшие этапы истории му-

зая — от зарождения Кунсткамеры Петра I и до современности, раскрывается богатство его коллекций. Коллекция отдела, как указывает Т. В. Станюкович, в настоящее время широко используются различными исследователями. В частности, головные уборы и одежда, а также сельскохозяйственные орудия из фондов МАЭ явились ценным источником при работе над изданным не так давно историко-этнографическим атласом «Русские».

Семь статей сборника посвящены описанию одежды и вышивки. Г. С. Маслова сосредоточила свое внимание на золотошвейной вышивке населения Европейского Севера (в основном, района Северной Двины — бывших Сольвычегодского и Шенкурского уездов), но она указывает и другие районы бытования этого ремесла, приводит сведения о соответствующих предметах или коллекциях и в других музеях. Характеризуя сами предметы, технику вышивания, автор разбирает смысловое значение орнамента и различия сольвычегодской и шенкурской вышивок и ставит вопрос о значении орнамента для изучения этнических связей на Европейском Севере. На орнаменте золотошвейного шитья, по мнению Г. С. Масловой, можно проследить общие этнические взаимосвязи чудских племен, населявших этот район в древности и в средние века, и русских, ассимилировавших их позднее. Анализ ряда орнаментов финно-угорских народов (в частности, карел) в наскальных и других изображениях позволяет предположить их возможное влияние на русскую северодвинскую вышивку.

Л. М. Сабурова посвятила свою статью одежде русского населения Приангарья в конце XIX — начале XX в.; в ней использован большой музейный материал, дополненный полевыми наблюдениями автора. В статье отмечается, что переселение русских в Сибирь началось уже в XVII в. и приводится сравнение костюма переселенцев с одеждой населения тех районов, откуда они пришли (автор прослеживает черты севернорусской, украинской и южновеликорусской традиций в одежде переселенцев). Выявляется также степень консервации этих традиций у населения Приангарья, влияние новых волн переселенцев, а также культурных традиций местного населения на изменения в одежде переселенцев, наконец, проводится сравнительный анализ одежды ангарских переселенцев с одеждой других групп русских в Сибири (Алтая, Тобольского края и других районов).

Со статьей Л. М. Сабуровой как бы перекликается статья А. А. Лебедевой, в которой рассматривается одежда другой группы русских в Сибири, а именно забайкальских старообрядцев селения Бичура. Автор основывает свои заключения на материалах одной из коллекций МАЭ, доставленной в музей в конце XIX в., а также на своих полевых материалах, собранных в конце 50-х — 60-е гг. Любопытны приведенные А. А. Лебедевой подробности истории старообрядческого костюма. Как известно, Петр I проводил реформы по европеизации одежды различных слоев населения России. За нарушение указов с виновных взимали пошлины и штрафы. Старообрядцам же было указано придерживаться своего «раскольничьего платья», чтобы они выделялись среди остального населения и не могли уклоняться от соответствующей пошлины, которая с них взималась за ношение традиционного костюма. Забайкальские старообрядцы были выходцами из различных мест Европейской части России; каждая группа имела свои традиции. Переселившись в Забайкалье, старообрядцы не могли не испытывать влияния окружающего населения. В силу этих причин у них, хотя и медленно, но неуклонно изменялись костюм, прически и т. п. Показывая изменения в одежде за последние 50—60 лет, А. А. Лебедева проводит ряд интересных параллелей, в частности, сравнивает сарафаны бичуринских и бухтарминских старообрядцев и др. Это дает богатый материал для изучения культурных влияний и заимствований.

Остальные четыре статьи посвящены одежде неславянских народов. Н. В. Юхнева детально описывает богатую (132 предмета) коллекцию одежды эстонцев островов Сааремаа и Муху; эта коллекция, кстати сказать, не упоминается в капитальном труде этнографов Эстонии «Эстонская народная одежда». Одежда жителей острова Сааремаа представлена одним мужским, одним детским и многочисленными предметами женского костюма (рубашки, юбки и лифы, пояса, карманы, передники, разнообразные головные уборы, кафтаны, куртки, перчатки, чулки, обувь). Автор подметил одну интересную закономерность: покрой женской одежды различается по приходам (вероятно, церковным), на которые делился остров Сааремаа. Одежда населения острова Муху представлена предметами женского костюма (особенно интересен старинный костюм невесты). К статье приложена карто-схема обоих островов с указанием границ приходов и предметов одежды, собранных в этих приходах.

В статье И. В. Жуковской очень подробно описаны вышивки тверских (калининских) карел. Приведена классификация всего материала одной коллекции из собраний М. В. Михайловской, которая состоит из 61 предмета — головных уборов, вышивок к ним, вышивок для полотенец и подолов женских рубах. Автор сравнивает эти предметы с аналогичными узорами вышивок из другой коллекции, также собранной М. В. Михайловской. Все вышивки разделены на три группы по орнаментальным мотивам — растительным, зооморфно-антропоморфным и геометрическим. Внутри каждой группы выделяются подгруппы по мотивам узоров, при этом приводятся карельские названия узоров и их перевод на русский язык. Описанию самих предметов предпослана характеристика каждого узора. В заключение автор отмечает необычное разнообразие орнаментальных мотивов в вышивке карельской женской одежды и полотенец.

В статье Е. С. Карповой описан лишь один старинный мордовский костюм, относящийся, по-видимому, к середине XVIII в. На основании анализа этого костюма, автор делает широкие этногенетические выводы о том, что мордва ранее расселялась на более обширной территории, и об общности в далеком прошлом всей мордвы (эрзя и мокша). Конечно, при столь узкой фактической базе такие заключения рискованы, но, в целом, логическое построение автора представляет несомненный интерес.

Наконец, последний из этого цикла является статья Г. Д. Раздоникас, детально описавшей курдский мужской костюм, попавший в МАЭ в начале XIX в. Следует отметить большой труд автора, стремившегося подыскать аналогии отдельным принадлежностям костюма, проследить различные влияния, которые оказали на одежду курдов другие народы (турки, армяне, татары и даже византийцы). Жаль, что Г. Д. Раздоникас не использовала в связи со своим исследованием статью В. П. Курылева¹ и статью Т. Ф. Аристовой².

Из статей, посвященных различным верованиям и культам, отметим прежде всего работу Г. И. Дзенiskeвич о культе так называемых «йерехов» у чувашей. Коллекции фигурок, известных под этим именем, имеются как в фондах МАЭ, так и в Государственном музее этнографии народов СССР. Автор отмечает, что чувашки первоначально считали обиталищами этих злых духов, якобы насылавших болезни, лиственные деревья и кустарники; им верующие поклонялись и приносили жертвы. На более поздних этапах объектов поклонения становятся мужские и женские фигурки, в которые, по поверьям, вселялся этот дух. В статье отмечается постепенная трансформация функций йерехов, показывается, как появилась вера в их связь с душами умерших людей. Автор говорит также об упадке веры в йерехов.

Любопытна небольшая статья Ю. Ю. Сурхаско, в которой рассматривается вопрос о так называемых «козичендашаува» — посохах-жезлах колдуна; они представляют собой грубую, необработанную ольховую палку с шишкообразными наростами. В собраниях МАЭ хранятся две такие палки, очень немного их имеется и в карельском историко-краеведческом музее. Основное назначение посоха — оберегать новобрачных и других участников свадебной церемонии от порчи и влияния злых сил. Пользовались им так называемые «патьяшка» — колдуны и руководители свадебных церемоний. Ю. Ю. Сурхаско показывает, что ольха у финских народов была почитаемым деревом (возможно, имела и тотемическое значение); она якобы обладала магической силой. О почитании ольхи несколько раз упоминается в эпосе «Калевала». С упадком прежних верований посох потерял свое ритуальное значение и превратился просто в декоративную трость. В статье приводится карто-схема, на которой отмечено, в каких районах Карелии до недавнего времени посох сохранял еще ритуальное значение.

В статье О. А. Ганцкой анализируются фигурные кондитерские изделия Польши. Коллекция этих предметов была приобретена автором для МАЭ в 1966—1968 гг. в Польской Народной Республике. По мнению О. А. Ганцкой, в основе подобных изделий, по-видимому, лежали магические представления. В настоящее время они используются большим спросом как предметы народного искусства польских мастеров, как своеобразные сувениры.

Особняком в рецензируемом сборнике стоит довольно большая по объему, интересная статья о северном рыболовстве Т. А. Бернштам, в течение многих лет исследовавшей Русский Север. Автор привлекает собрания МАЭ и Государственного музея этнографии народов СССР и дает довольно подробный критический обзор имеющихся коллекций и письменных источников по изучаемой теме. Статья начинается кратким обзором хозяйственной жизни поморов с середины XIX до начала XX в., затем рассматривается вопрос об изготовлении орудий лова, описываются орудия семужного морского и речного лова и орудия сельдяного лова. В заключение автор отмечает, что орудия лова принадлежали отдельным лицам и коллективам.

Сборник заканчивается посмертной публикацией крупного советского этнографа Е. Э. Бломквист «К вопросу о двуязычии и тюркских заимствованных в говоре „уральцев“ Амурдариинского оазиса (по наблюдениям этнографа зимой 1943—44 г.)», которая взята из архива МАЭ. В тяжелые годы войны во время исследований в дельте Амур-дарьи Е. Э. Бломквист зафиксировала у уральских казаков переселенных сюда еще в XIX в., 250 тюркских слов, вошедших в их обиходную русскую речь. Приводятся некоторые интересные историко-этнографические сведения об «уральцах» Амурдариинского оазиса. Работа эта представляет, безусловно, большую ценность как для лингвистов, так и для этнографов и может служить хорошим починком для дальнейших исследований подобного рода. Однако эта статья резко отличается по своему профилю от других статей сборника и поэтому требует особого рассмотрения, что не представляется возможным в данной рецензии.

Рецензируемый сборник богат иллюстрирован, в нем помещено свыше 110 таблиц и отдельных рисунков, а также две цветные таблицы-вклейки.

Н. А. Кисляков

¹ См. «Сборник МАЭ», т. 26, Л., 1970.

² См. «Сов. этнография», 1970, № 4.